

О ПРИНЦИПѢ РЕЛИГИОЗНОЙ СВОБОДЫ.

Проведеніе въ нашемъ законодательствѣ принципа религиозной свободы готово встрѣтить энергическое противодѣйствіе, какъ слышно, со стороны крайнихъ правыхъ и въ особенности духовныхъ лицъ православной Церкви. Въ оппозицію началамъ Высочайшаго Манифеста 17 октября они всей душой готовы возвратиться къ прежнимъ началамъ стѣсненія иновѣрцевъ и сектантовъ въ пользу господственнаго положенія православной Церкви.

Явленіе весьма естественное. Оно имѣетъ для себя опору, а именно: во 1-хъ въ давности этихъ началъ и во 2-хъ—въ ревности о вѣрѣ, о защитѣ и спасеніи Церкви.

Разсмотримъ, насколько тверда эта опора.

1) Что касается давности, то не можетъ быть спора относительно ея. Можно почти не погрѣша противъ истины сказать, что *юридически* за всю нашу исторію, отъ начала христіанства на Руси—религиозной свободы не было и не признавалось до нашихъ дней. Съ момента крещенія Апостола Руси, Св. Владиміра, у насъ утвердился надолго и въ сознаніи руководителей народа, и въ самой жизни непреложный принципъ: „вѣра православная греческаго закона есть самая лучшая и единая святая вѣра между всѣми вѣрами“. Соотвѣтственно этому принципу складывались и фактическія отношенія къ иновѣрамъ, отступникамъ отъ вѣры и повстанцамъ противъ этой вѣры, соотвѣтственно этому же принципу формулировались и законодательныя нормы. Такъ какъ всѣ прочія вѣры никуда не годились по сравненію съ этой вѣрой, то, понятно, не могло быть и вопроса о какой либо конкуренціи ихъ съ этою единою святою вѣрою, не могло возникать и вопроса о религиозной свободѣ. Въ первый разъ

этотъ вопросъ возникъ, когда открыто было заявлено сомнѣніе въ святости этой вѣры и послѣдовала открытая ей оппозиція со стороны такъ называемыхъ стригольниковъ и жидовствующихъ. Подавляющимъ большинствомъ вопросъ объ отношеніи къ повстанцамъ рѣшенъ былъ не въ пользу послѣднихъ. Они были смяты и прекратили свое существованіе. Второй разъ возникъ вопросъ о религіозной свободѣ, когда явилась новая партія повстанцевъ во времена патріарха Никона (глаголемые старообрядцы). Вопросъ снова рѣшенъ весьма категорически: раскольники въ качествѣ враговъ святой вѣры отлучены были отъ церкви и преданы градскимъ жестокимъ казнямъ. Въ опору такого рѣшенія вопроса были приведены весьма убѣдительныя ссылки каноническаго и юридическаго характера—на дѣянія Вселенскихъ соборовъ и градскіе законы Кормчей книги ¹⁾. Выросла новая юридическая догма, что каждый повстанецъ противъ Православной вѣры и отщепенецъ отъ нея есть врагъ Церкви и государства и какъ таковой долень быть преслѣдуемъ, а его нечестивое убѣжденіе искореняемо—„градскимя“ т. е. государственными мѣрами. Этой догмы держится доселѣ наше уголовное законодательство по преступленіямъ противъ вѣры.

Нѣсколько иначе рѣшался доселѣ вопросъ объ отношеніи нашей Церкви и государства къ иновѣрцамъ (язычникамъ, магометанамъ, іудеямъ) и инославнымъ церквямъ и обществамъ, а также къ безрелигіознымъ лицамъ и крайнимъ либераламъ въ религіи. Хотя по временамъ и къ нимъ примѣнялся этотъ же принципъ непризнанія за ними права на гражданское существованіе, но въ общемъ преобладало болѣе снисходительное и мягкое отношеніе—*терпимости*. Они могутъ исповѣдывать свою вѣру, имѣть свои молитвенные дома, богослуженіе, своихъ священниковъ и учителей, но отнюдь не имѣютъ права пропаганды и особенно возвращенія въ свою вѣру православныхъ.

Этотъ принципъ выдерживается доселѣ въ нашемъ уголовномъ законодательствѣ, и опять таки имѣеть за себя такое же право давности, какъ и первый въ отношеніи къ

¹⁾ См. дѣянія большаго Москов. соб. 1667 г. въ изданіи проф. Н. П. Суб-

отщепенцамъ отъ православной церкви. (Невѣры, или отступники отъ вѣры православной трактовались въ законѣ, какъ лица примыкавшія къ первой категоріи, если выступали явными оппозиціонерами противъ вѣры).

Итакъ нужно согласиться, что преслѣдованіе одной категоріи внѣцерковныхъ обществъ и лицъ и только весьма умѣренная терпимость къ другой имѣють за себя почти безспорную давность.

Но что же изъ этого слѣдуетъ? Всего менѣе слѣдуетъ то, чтобы отстаивать эти давностные принципы, какъ пережитокъ, какъ старое платье, изъ котораго мы, русскіе граждане, уже выросли и которое весьма обветшало, чтобы не сказать, что вовсе истлѣло. Намъ нужны совсѣмъ иные принципы. II вотъ почему.

Потому именно, что давность этихъ принциповъ далеко *не безпорна* и потому, что достоинство ихъ разбито такъ, что отъ нихъ остались только жалкіе клочья такъ сказать.

Кто же оспаривалъ, кто разбивалъ эти принципы? Было бы весьма затруднительно перечислить по именамъ отдѣльныя лица, выступавшія въ разные моменты церковной исторіи (византійской и русской) борцами противъ этихъ принциповъ. Голоса ихъ были то очень громки, то слабы, но несмотря на ихъ довольно большое число все таки они тонули, такъ сказать, въ массѣ ¹⁾. Но важно не это. Важнѣе то, что и въ самой этой массѣ, въ ея сознаніи и въ ея совѣсти никогда не умирали нѣкоторые внутренніе голоса, которые протестовали противъ торжества побѣдителей, отравляли сладость побѣды.—Эти голоса—принципы Евангелія и православной Церкви и естественное чувство гуманности, человѣчности.

Въ Богослуженіи Православной Церкви чтеніе Евангелія обставлено такою величественною обрядностію, какъ нигдѣ въ христіанствѣ. Чтеніе его—весьма часто и всегда составляетъ весьма такъ сказать выпуклую, выдающуюся часть обрядности нашей: кто изъ присутствующихъ не слышитъ его?—Развѣ глухой и намѣренно затыкающій уши. Между тѣмъ Евангеліе весьма ясно и рѣзко бьетъ всякое насиліе

¹⁾ Не мало свидѣтельствъ объ этомъ собрано въ книгѣ Проф. В. Ѡ Кипарисова: о свободѣ Совѣсти.

въ дѣлахъ вѣры и даетъ положительную заповѣдь о любви ко всѣмъ людямъ, даже врагамъ.

И вотъ этотъ-то голосъ, въ корнѣ подтачивалъ принципы искорененія и преслѣдованія враговъ вѣры. Наши іерархи нерѣдко боля сердцемъ—заглушали его тѣмъ, что судъ и казни по дѣламъ противъ вѣры сдавали градскимъ судьямъ и исполнителямъ, а себѣ оставляли только обязанность увѣщанія и напутствія казнимыхъ за вѣру, а нашъ простой народъ всегда относился къ гонимымъ за вѣру или прямо какъ къ мученикамъ, или какъ къ „несчастливымъ“ и „жалѣль“ ихъ. Я считаю уже излишнимъ доказывать, что въ богословской наукѣ давно уже почитается аксіомою, что принципъ свободы совѣсти одновремененъ съ христіанствомъ, иначе сказать—только христіанство и возвѣстило его человечеству. Тѣ несчастные богословы, которые думаютъ найти оправданіе угнетенію иновѣрія и разномыслія, принуждены обходить Евангеліе и искать аргументы только въ ветхомъ завѣтѣ.

Кромѣ Евангелія и наше каноническое право въ корнѣ подтачиваетъ всякое *притѣсненіе* по отношенію къ иновѣрнымъ и непослушнымъ. Вотъ его принципиальный законъ:

Апостольское 27-е правило: „Повелѣваемъ епископа, или пресвитера или діакона, біющаго вѣрныхъ согрѣшающихъ или *неверныхъ* обидѣвшихъ и чрезъ сіе устрашати хотящаго, извергати отъ священнаго чина. Ибо Господь отнюдь насъ сему не училъ: напротивъ того Самъ бывъ ударяемъ не наносилъ ударовъ, укоряемъ не укорялъ взаимно, страдая не угрожалъ“.

Но можетъ быть нельзя бить невѣрнаго священнику собственноручно, а допустимо, что по мановенію руки его можетъ побить невѣрнаго христіанинъ—мірянинъ?

Нѣтъ, и это не допустимо. Категорическій отвѣтъ данъ въ другомъ специальномъ правилѣ. (Двукрат. соб. 9). Все, что можетъ церковная власть предпринять противъ врага своего, не поддающагося мѣрамъ нравственного воздѣйствія—это жаловаться государственной власти и уже дѣло послѣдней такъ или иначе удовлетворить жалобу Церкви.

Да, вопросъ объ уголовныхъ мѣропріятіяхъ противъ нарушителей принципа религіозной свободы есть всецѣло—вопросъ государственной политики, а отнюдь не церковный вопросъ.

На эту точку зрѣнія и вступило было однажды наше правительство—имѣемъ въ виду наказъ Екатерины II, но, къ сожалѣнію, это благое намѣреніе не перешло въ исполненіе.

Итакъ, давность—плохая опора оппозиціи принципу религіозной свободы, особенно оппозиціи *духовныхъ лицъ*. Она *кажется* только сильною: ибо за угнетеніе иновѣрія и сектантства можно вывести на справку большую массу древнихъ законовъ и законовъ весьма строгихъ, грозныхъ и жестокихъ: но все это законы государственные, а не церковные—послѣдніе стоятъ въ рѣзкой оппозиціи первымъ и подтачиваютъ ихъ рухлую громаду. Здѣсь, въ этомъ разладѣ государственнаго и каноническаго воззрѣній и лежитъ причина того явленія, что какъ въ Византіи, такъ и въ древней Руси—законы противъ иновѣровъ и еретиковъ были жестоки, но они никогда въ дѣйствительности не были послѣдовательно проводимы—только *угрожали страхомъ*, но бездѣйствовали, уступали мягкому воззрѣнію, воспитываемому непосредственно Евангеліемъ и чувствомъ гуманности. Такимъ образомъ въ дѣйствительности получилось то, что у насъ въ Россіи *de jure* не было свободы религіозной, а *de facto* иновѣрцамъ и сектантамъ у насъ жилось лучше т. е. свободнѣе чѣмъ въ Западной Европѣ, гдѣ давно ужъ *de jure* господствуетъ свобода совѣсти.

2. Второй мотивъ оппозиціи принципу религіозной свободы—есть ревность о вѣрѣ, попеченіе о защитѣ и спасеніи церкви отъ враговъ ея.

Самъ по себѣ это—конечно—весьма симпатичный мотивъ, какъ основывающійся на чувствѣ любви и поклоненіи религіозной святыни. Религіозной ревности противополженъ индифферентизмъ—достояніе натуръ безсердечныхъ, у которыхъ рефлексія изсушила, съѣла сердце.

Это такъ, но нельзя никакъ опускать изъ виду и слѣдующихъ соображеній.

1. Въ дѣйствительности сплошь и рядомъ рука объ руку съ искренними ревнителями вѣры идутъ и дѣйствуютъ подъ однимъ знаменемъ жестокіе, безсердечные эгоисты, прямо ни во что не вѣрующіе—ханжи, лицемеры. Такіе ревнители страшны: они хуже, злѣе, т. е. безсердечнѣе невѣровъ и индифферентныхъ людей. Евангеліе осуждаетъ лицемеровъ, угрожаетъ имъ: *горе вамъ, книжники и фарисеи, ли-*

целтры! И предостерегаетъ отъ нихъ добродушныхъ людей. Лицемѣры хуже невѣровъ.

Это положеніе не требуетъ доказательствъ. Мы только указываемъ на него съ тою цѣлію, чтобы выяснить, что ревность о вѣрѣ въ качествѣ *политическаго мотива* не имѣетъ цѣнности. Противники воспользуются слабостью этого аргумента, и будутъ трактовать ревнителѣй вѣры, какъ лицемѣровъ.

Но этого мало. Важнѣе то, что и въ самой искренней, подлинной ревности о вѣрѣ должно различать *степени*: есть ревность, достойная всякой похвалы, но есть ревность и не очень похвальная. Такъ напр. Апостоль Павелъ прямо осуждаетъ неразумную ревность: имутъ ревность Божію но не по разуму. И вотъ намъ думается, что люди, призывающіе защищать и спасать Церковь православную средствами угнетенія политическаго, уголовнаго и полицейскаго имѣютъ искреннюю ревность Божію но не весьма разумную, а потому и не весьма высокоцѣнную. Что она—не высокой цѣны—наглядное доказательство въ томъ, что такая якобы *христианская* ревность ни чѣмъ не отличается ни отъ магометанской, ни отъ еврейской, ни отъ языческой ревности. Всякая религія, всякая секта имѣютъ своихъ ревнителѣй да еще какихъ, прямо—фанатиковъ. Ну и что же? Неужели и христианину слѣдуетъ состязаться съ ними въ *такой* ревности? Да не будетъ сего! Это должно быть стыдно для христианина и вотъ почему.

Религіозная ревность, какъ и *ревность вообще* имѣетъ своимъ глубокимъ психологическимъ основаніемъ *недостатокъ* въ ревнивцѣ *вѣры* или *довѣрія* къ любимому имъ существу: изъ боязни утратить для себя это существо, изъ боязни, что его отнять, или только повредить ему, оскорбятъ его, какъ нибудь испортятъ его—*при его беззащитности*, проистекаютъ всѣ мученія ревности, всѣ ея проявленія, часто безумныя дѣйствія ревнивца, *защищающаго своими силами предметъ своего поклоненія*.

Въ настоящее время такихъ ревнителѣй о Церкви православной, такихъ защитниковъ и спасателѣй ея—очень много. Они выступаютъ то съ угнетеннымъ настроеніемъ и готовы отчаяваться въ спасеніи церкви, то съ отвагою и настоящею военною тактикою шлютъ вызовы врагамъ вѣры съ угрозою сокрушить ихъ своею силою.

Такіе ревнители вѣры христіанской повинны, на нашъ взглядъ, въ слѣдующихъ трехъ грѣхахъ: маловѣрїи, гордости и неразумїи.

Что православная русская Церковь въ настоящій моментъ переноситъ *жестокое испытаніе* — это несомнѣнно. Бѣды сыплются на нее отвнѣ, внутри — броженіе. Кто ея врагъ, кто другъ—разобрать трудно. Какъ же тутъ несмалодушествовать? Какъ же тутъ не объявить священной войны врагамъ ея? И вотъ у насъ многіе ревнители готовы прицѣпить къ бедрамъ своимъ мечи и, по примѣру Апостола Петра, пустить ихъ въ дѣло для урѣзанія вражескихъ ушей и проч. Пусть же они устыдятся словъ Господа и отверзутъ уши свои для вниманія Его словамъ: *„возврати мечъ твой въ его мѣсто; ибо всѣ, взявшіе мечъ мечемъ погибнутъ. Или думаешь, что Я не могу теперь умолить Отца Моего и Онъ представитъ Мнѣ болѣе, нежели двѣнадцать легионовъ Ангеловъ“* (Мѡ. XXVI, 53).

Эти слова бьютъ такъ сказать въ упоръ современное маловѣріе—малодушныхъ ревнителей о вѣрѣ.

Повинны они и въ другомъ грѣхѣ—*гордости*, и гордости довольно неразумной: вѣдь самая мысль о спасеніи церкви—есть богохульная и неразумно гордая мысль, нисколько не лучшая мысли объ уничтоженіи Церкви. Каждому христіанину нужно заботиться о личномъ спасеніи чрезъ Церковь, а не о спасеніи Церкви. Плачитесь о себѣ, спасатели Церкви, а не о ней (Лук. XXIII, 28).

Но главный грѣхъ, особенно досадный, такихъ малодушныхъ и маловѣрныхъ ревнителей Церкви — есть ихъ такъ сказать тактическое неблагоразуміе.

Конечно, спору не можетъ быть въ томъ, что мѣры репрессїи и устрашенія иногда бывали въ тактическомъ смыслѣ пригодны и цѣлесообразны. Въ стародавнія времена при низкой культурѣ народа одинъ фактъ *господствованія* той или иной вѣры, какъ и внѣшній блескъ ея, самъ по себѣ производилъ обаяніе и на недалекихъ умомъ или на людей безхарактерныхъ дѣйствовалъ внушительно—плѣнял ихъ въ *послушаніе вѣры*. Но удобопримѣнимы ли эти мѣры въ настоящее время?

Нѣтъ, и нѣтъ! „Гоненіе умы человѣческіе раздражаетъ“. Эту истину давно создала гуманная политика здраваго

смысла и осудила гоненіе, какъ наивное тактическое средство. Въ наше время, когда наука и знаніе, умъ и культура вышли въ открытый бой съ религіей, вѣрой, совѣстью и сердцемъ человѣческимъ—„система устрашенія градскими казнями“ въ дѣлахъ вѣры не только наивна и нецѣлесообразна, но прямо вредна для самой религіи.

Давно уже наши миссіонеры (противъ раскола и сектантства) много терпятъ за свое „побратимство съ полиціей“. Ихъ часто—искренно ненавидятъ и невыносятъ упорные сектанты. Во время революціи 1905 года союзъ русскаго народа за свою защиту православія путемъ погромовъ стажалъ наименованіе „черной сотни“, и возбудилъ противъ себя ненависть и сектантовъ, и интеллигенціи.

Въ переживаемый моментъ страсти значительно улеглись. Настала пора государственнаго строительства на началахъ Высочайшаго Манифеста 17 Октября. Государственная политика по отношенію къ религіи должна быть установлена на этихъ началахъ, именно на началахъ религіозной свободы. Удастся ли Государственной Думѣ провести эти начала? Предположимъ двѣ возможности: предположимъ на минуту, что восторжествуетъ старая система устрашенія за отступленіе отъ православія и система репрессій за „оказательство“ и пропаганду иновѣрія. Что произойдетъ тогда? Можно положительно утверждать, что безчисленное множество разнообразныхъ иновѣрцевъ и сектантовъ объединится однимъ чувствомъ по отношенію къ православной Церкви—чувствомъ глубокой ненависти. Но предположимъ другую возможность: восторжествуетъ принципъ религіозной свободы. Православная Церковь станетъ лишь на первомъ мѣстѣ въ ряду инославныхъ исповѣданій и сектантскихъ общинъ. Возможное дѣло, что на первыхъ порахъ окажется значительное уменьшеніе въ составѣ ея членовъ: послѣдуютъ уклоненія въ старообрядчество, магометанство, въ секты. Но эта количественная утрата вознаградится несомнѣнно слѣдующими добрыми послѣдствіями: во 1-хъ она плотнѣе сомкнетъ ряды своихъ сочленовъ, оставшихся ей вѣрными, во 2-хъ она несомнѣнно пріобрететъ себѣ симпатіи интеллигенціи, какъ застѣдающей на школьныхъ скамьяхъ, такъ и подвигающей на политическомъ, ученомъ и общественномъ поприщахъ. Это второе послѣдствіе въ вы-

сокой степени важно. Вѣдь новыя поколенія—основа и надежда всего нашего будущаго благосостоянія.

А какова эта основа и надежда въ религіозномъ отношеніи? Вѣдь не нужно пускаться въ доказательства весьма печальнаго факта, всеми видимаго—полнаго отсутствія религіозной настроенности въ ней. Уже одинъ тотъ фактъ, что недалѣе какъ въ концѣ прошлаго года на высшихъ женскихъ курсахъ въ Москвѣ выступалъ—американскій миссіонеръ, миссъ Рауссъ—какъ много говоритъ, какъ ярко характеризуетъ безрелигіозность нашей молодежи! Когда было слыхано, чтобы Америка посылала своихъ миссіонеровъ въ православную Русь?!

И вотъ въ виду только этого одного печальнаго факта стоитъ подумать и энергично поработать за проведеніе у насъ принципа религіозной свободы, за снятіе съ Православной церкви несвойственнаго ей характера притѣснительницы религіозной совѣсти. А что проведеніе начала религіозной свободы отразится благопріятно для православной церкви и для христіанизаціи нашего юношества, въ этомъ убѣждаютъ слѣдующія соображенія:

1) Человѣкъ не можетъ жить безъ религіи: послѣдняя есть потребность его сердца, которой не въ силахъ дать полнаго удовлетворенія ни наука, ни искусство. Доселѣ не извѣстно народа-безрелигіознаго; встрѣчаются только единицы; пусть ихъ въ извѣстный моментъ будетъ много, но это явленіе временное, переходное, доказательствомъ чего служить жалкое настроеніе такихъ единицъ, крайне пессимистическое.

2) Изъ всехъ существующихъ христіанскихъ вѣроисповѣданій Православное есть по преимуществу религія сердца. Эта черта его культа—общепризнанна. Принципы его каноническаго устройства такъ морально чисты и раціональны въ организаціонномъ отношеніи, что выдержать конкуренцію съ какими угодно принципами культурнаго социальнаго строя. Стоитъ только потрудиться надъ ихъ тщательнымъ вскрытіемъ и проведеніемъ ихъ въ церковную жизнь—что, конечно, въ силахъ сдѣлать Церковный Соборъ при дружной совмѣстной работѣ пастырей и паствы.

Тотъ, кто искренно вѣритъ во внутреннее достоинство Православія, тотъ не только можетъ быть покоенъ за судьбу его при проведеніи въ нашемъ отечествѣ принципа религіозной

свободы, но и найдеть въ этомъ убѣжденіи мужество энергично работать надъ укрѣпленіемъ его моральнаго и общественнаго авторитета въ видахъ благотворнаго воздѣйствія его на наши культурные элементы, теперь индифферентные или даже враждующіе съ нимъ.

Именно ревность о православіи должна побуждать нашихъ пастырей домогаться торжества принципа религіозной свободы.

Но,—возразятъ намъ пастыри—вѣдь на насъ, именно какъ пастыряхъ, лежитъ долгъ не только питать словомъ ученія, увѣщанія, обличенія и утѣшенія свои паствы, свои дворы овчіи, но и оберегать ихъ отъ волковъ, рыскающихъ отвѣтъ на свободѣ, не скрывающихъ своей волчей породы, то проникающихъ и во дворы наши—нерѣдко въ образѣ смиренныхъ агнцевъ или ласковыхъ лисицъ и т. п. животныхъ. Неужели намъ не обороняться отъ нихъ, не отражать ихъ нападений на насъ самихъ и на овецъ и агнцевъ нашихъ?

Въ отвѣтъ на это должно замѣтить, что проведеніе принципа религіозной свободы вовсе не лишаетъ православную церковь права домогаться отъ государства наивозможно полной гарантіи ея свободы и обезпеченія правъ ея какъ религіи первенствующей, которой по преимуществу, если не исключительно, русское государство обязано своимъ положеніемъ въ семьѣ европейскихъ государствъ, подъ моральнымъ сильнымъ воздѣйствіемъ которой оно образовалось, собиралось, оправлялось отъ неоднократныхъ смуть и нестроений, и которая и впредь останется религіею большинства подданныхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и важнѣйшимъ факторомъ его поступательнаго нравственно-культурнаго развитія. Если признается аксіомою, что въ задачи культурнаго государства входитъ защита права собственности отдѣльныхъ лицъ, корпорацій и учрежденій промышленныхъ, ученыхъ, художественныхъ, обезпеченіе ихъ свободнаго дѣйствованія и развитія, гарантія и защита мѣрами государственной силы отъ правонарушителей, дѣйствующихъ насиліемъ, обманомъ, подкупомъ, подлогомъ и другими преступными средствами: то на такое покровительственное къ себѣ отношеніе со стороны Государства Православная Церковь имѣетъ неотъемлемое и безспорное право. И кто знаетъ, что внимательный пересмотръ дѣйствующихъ узаконеній, нормирующихъ покро-

вительственное отношеніе русскаго государства къ церкви православной и вѣроисповѣданіямъ инославнымъ, не обнаружитъ ли того страннаго явленія, что *официально-господственное* положеніе православной церкви по сравненію съ этими послѣдними, во многихъ отношеніяхъ менѣе обезпечиваетъ ея права и возможность успѣшной жизнедѣятельности, чѣмъ этихъ послѣднихъ? Не окажется ли, напр., что матеріальное обезпеченіе духовенства католическаго, протестантскаго и даже магометантскаго—выше православнаго, что во многихъ отношеніяхъ послѣднее стѣснено много болѣе въ своихъ дѣйствіяхъ, чѣмъ первыя и т. д. и т. д.? Не будетъ ли поэтому проведеніе принципа государственнаго равноправія Православной Церкви съ прочими вѣроисповѣданіями не только потерей для нея, но и положительнымъ приобрѣтеніемъ? Но объ этомъ—впослѣдствіи.

Н. Заозерскій.
